

VI. Общество без правительства

Разложение правительства в Экономическом организме

Наконец, мы дошли до седьмого и последнего этюда книги Прудона. В нём мы имеем не изложение какой-нибудь организационной системы, а, напротив, отрицание, разрушение правительства; поэтому здесь нам не придётся отступать от аргументации автора, за исключением нескольких мест, где он рассуждает на основании гипотезы учреждения своего Банка и своей кредитной системы и где поэтому, хотя оставаясь верным порядку идей, составляющих его анархическую теорию и общих ему с нами, он по некоторым вопросам высказывает мысли, принадлежащие исключительно его личной точке зрения и которые мы не можем принять.

“Между политическим порядком и порядком экономическим, говорит Прудон, между порядком, основанным на законах и порядком, основанным на договорах – слияние невозможно; надо выбирать что-нибудь одно. Бык не может, оставаясь быком, сделаться орлом или летучей мышью с улиткой. Так и общество, сохраняя в какой бы то ни было степени политическую форму, не может организоваться по экономическому закону. Как согласить местную инициативу с преобладанием центральной власти? Общую подачу голосов с чиновнической иерархией? Принцип, что никто не обязан повиноваться закону, если сам прямо не давал согласия на него, с правом большинства? Писатель, который, сознавая эти противоречия, тем не менее пытался бы разрешить их, не выказал бы этим даже смелости, а показал бы себя только жалким шарлатаном».

«Это столько раз доказанная несовместимость этих двух порядков недостаточна, однако, для убеждения публицистов, которые, соглашаясь с опасностями, представляемыми властью, тем не менее держатся за неё, как за единственное средство обеспечить порядок и вне её видят лишь пустоту и отчаяние. Подобно больному в комедии, которому говорят, что единственное средство ему вылечиться – прогнать своих докторов, они спрашивают, как может порядочный человек обходиться без докторов, общество без правительства. Они готовы сделать своё правительство

каким угодно: республиканским, добродушным, либеральным, эгалитарным; они готовы брать против него какие угодно гарантии; они готовы сколько угодно унижать его перед величеством граждан; они твердят нам: «Правительство – это вы! Управляйте сами, без президента, без представителей, без делегатов! Стало быть, чего же вам ещё хотеть?» Но жить без правительства, уничтожить абсолютно всякую власть без остатка; водворить чистую анархию – это для них непостижимо, нелепо. «Чем же восклицают они, заменяют правительство те, кто толкует о его уничтожении?».

На этот вопрос мы и дадим ответ в настоящей главе. Мы покажем, каким образом все правительственные функции могут и должны быть уничтожены.

а. Культы

Во всех странах и с самого начала человеческой истории религия тесно связана с правительством: церковь, сестра государства и имела назначением давать божественное освящение эксплуатации господствующих классов, отрегулированную под именем государства и правительства.

В наше время церковь ещё связана с государством и представляет поэтому учреждение политическое. Связью этой служит бюджет культов; стоит только уничтожить его, возратить в то же время в коллективную собственность все приобретения духовенства, как движимости, так и недвижимости, и церковь перестанет существовать как учреждение.

Но, скажут, вера всё-таки останется, и верующие, которым нельзя же будет запретить поддерживать добровольными приношениями отправление их культа, сохранять в сердцах своих преданность древним верованиям. Пускай. Эта преданность, сделавшись исключительно платонической, не будет представлять опасности; священник, потеряв своё официальное жреческое достоинство и вынужденный сделаться работником, чтобы жить, лишится обаяния своего сана, а с ним и своего влияния на невежественные и поработанные массы. Решение экономического вопроса есть вместе с тем ключ к вопросу религиозному. Когда люди будут на земле пользоваться благополучием, миром, справедливостью и всеми благами, осуществление которых религия сулит им только в будущей жизни, они очень скоро потеряют привычку предаваться мистическим влечениям и полагаться на отдалённые обещания небесного блаженства.

“ «Католицизм и вообще религия должны покориться своей участи, говорит Прудон: - дело революции в XIX-м веке уничтожить их»

«Я говорю это не по неверию и не по злобе на религию; я никогда не был вольнодумцем и злобы ни к кому не имею. Я высказываю только вывод или, пожалуй, делаю предсказание. Ныне все против попа. Если только реакции не удастся перестроить общество от основания до вершины, переделать его тело и душу, его идеи, интересы, стремления, христианству не жить и двадцать пяти лет. Не пройдёт, может быть, и полвека, как попа будут преследовать за исполнение его должности по обвинению в мошенничестве».

Сюда относится одна из оригинальнейших страниц Прудона, его исповедание веры атеиста; мы приведём её, сожалея, что перевод не может вполне передать её своеобразного красноречия.

“ «Церковь ещё держится у нас и находит предлог к своему существованию, только благодаря трусости самозванных республиканцев, которые почти все не ушли дальше исповедания веры Савойского викария[51]. Подобно эфиопам, о которых мне рассказывал однажды доктор Обер и которые, мучимые ленточной глистой, выгоняют часть её, тщательно заботясь, чтобы голова оставалась. Эти деисты исключают из религии всё неудобное и щекотливое для них, но ни под каким видом не соглашаются выгнать из себя её принципы, вечный источник суеверий, грабежа и тирании. Пусть не будет культа, таинств, откровений – на это они согласны. Но не трогайте их Бога; это, по их мнению, отцеубийство. Оттого суеверия, захваты, пауперизм[52] вечно возрождаются, как члены ленточной глисты. И эти то люди хотят управлять республикой!»

«Более восемнадцать веков тому назад один человек пытался, как мы теперь, возродить человечество. Видя святость его жизни, поражённый громадностью его ума, силою его негодований, Дух Революции, противник Предвечного, признал в нём своего сына. Он явился ему и, показав ему все царства земли, сказал: Даю их тебе все; только признай меня своим творцом и поклонись мне. – Нет, отвечал Назарянин: - я поклоняюсь Богу и ему одному буду служить. Непоследовательный преобразователь был распят. После него фарисеи, мытари, попы и цари явились ещё более свирепыми, более алчными, более подлыми, чем когда-либо, и революция, двадцать раз сызнова предпринимаемая, двадцать раз покидаемая, осталась неразрешённой. Приди ко мне Люцифер, Сатана, кто бы ты ни был, Демон, которого вера моих отцов противопоставила Богу и Церкви! Я возведу твоё слово и не прошу у тебя ничего».

Но что такое атеизм? Отрицание-ли это только? Не есть ли это вместе с тем утверждение? Не есть ли это положительный человеческий принцип, предназначенный заменить Бога? Конечно, и этот принцип выражается Прудон в равенстве, где человеческий принцип занимает место неизвестного;

“ «Бог относится к «Х», как правительственный порядок к порядку промышленному»

Это значит, что промышленный порядок выработает после социальной революции человеческую философию, которая будет выражением новых понятий о нравственности и справедливости, продуктом этой эгалитарной среды, как до сих пор богословие было необходимым продуктом правительственного порядка.

b. Правосудие

В средние века правосудие понималось как атрибут сеньориальной власти, как коронное право, как одна из привилегий власти; и во имя этой то идеи государство до сих пор приписывает себе право судить, произносить приговоры и налагать наказания.

Имеет ли действительно государство право судить и наказывать, разбирать поведение человека и объявлять его виновным или даже признавать его невинным?

Мы отрицаем это. Никто не в праве судить своего ближнего, никакая власть не может произнести против человеческого существа законного приговора. Только сам человек может судить себя, т. е. определять качество своих действий и постановлять для себя в известных данных случаях известное наказание. Вне этого приговора, поставленного с согласия самого виновного, мнимые акты правосудия, исполняемые обществом, суть акты войны и насилия.

“ «Я живу в обществе несчастных, писал Прудон (вспомнил, что его книга писана в тюрьме), которых юстиция притягивает за кражу, подлоги, банкротства, покушения против нравственности, детоубийства, убийства»

«Сколько мне удалось узнать, большинство их уличено, хотя не созналось, rei sed non confessi[53]; и я полагаю, что, не клеветая на них, можно сказать, что это далеко не безупречные субъекты»

«Я понимаю, что этих людей, воюющих против ближних, заставляют вознаграждать причиняемое ими зло, нести расход издержек, которые они

сами вынуждают делать и платить сверх того известную пеню за скандал и страх, которые они причиняют более или менее умышленно. Повторяю, мне понятно это применение закона войны между врагами. Война может иметь не скажу – своё правосудие – это было бы осквернение этого святого имени – но своё равновесие».

«Но я отрицаю, чтобы этих людей можно было запереть в тюрьмы под предлогом покаяния; чтобы их можно было заковывать в железо, срамить, мучить их тело и душу, гильотинировать или, что ещё хуже, ставить по истечении срока наказания под надзор полиции, которая своими неизбежными огласками преследует их во всяком убежище. Я положительнейшим образом отрицаю, чтобы какие бы то ни было основания, как в обществе, так и в совести и рассудке, разрешали подобную тиранию. Делая это закон не правосудие отправляет, а предаётся мести, самой жестокой и несправедливой, мести, которая является последним остатком древней ненависти патрицианских классов к порабощённым»

«Заключили ли вы с этими людьми договор, чтобы иметь право отплачивать им за их проступки цепями, кровью, позором? Дали ли вы им какие-нибудь гарантии, на которых можете основываться? Приняли ли они какие-нибудь условия, которые потом нарушили? Указаны ли с общего согласия какие-нибудь границы страстям, которые бы они потом преступили? Что вы для них сделали такого, что и они обязаны для вас сделать и чем они вообще обязаны вам? Я ищу вольного и свободного договора, который связывал бы их, и вижу только меч правосудия, занесённый над их головами – меч власти. Я требую, чтобы мне показали подлинное обоюдное соглашение, подписанное их рукой и свидетельствующее о их нарушении его, а мне показывают произвольные и односторонние предписания законодателя, которому только содействие палача может придать значение в их глазах»

«Где не было соглашения, не может быть ни преступления, ни правонарушения. И я ловлю вас на ваших собственных правилах: *Всё, что не запрещено законом дозволено; и закон предписывает лишь для будущего и обратного действия не имеет*»

«Но закон, пока я его не одобрил, не признал, не утвердил своим согласием, не скрепил своей подписью, не обязывает меня, не существует. Устанавливать его без моего согласия и потом опираться на это установление против моего протеста – значит давать ему обратное действие, значит нарушать его самого. Вам ежедневно случается отменять решения за несоблюдение формы. Подумайте, что у вас нет акта, который не подлежал бы отмене за несостоятельность самую чудовищную – за подмену закона! Суфляр, Ласнер[54], все злодеи, посланные вами на казнь,

ворочаются в своих могилах и обвиняют вас в юридическом подлоге. Что вам ответить им?»

«Не толкуйте о подразумеваемом согласии, о вечных началах общества, о морали нации, о религиозной совести. Потому то именно и следовало выразить правила права и нравственности и предложить их на общее согласие, что общечеловеческая совесть признаёт и право, и нравственность, и общественность. А вы сделали это? Нет; вы предписали, что вам вздумалось, и называете этот указ правилом совести, выражением общего согласия. Нет, стойте! В наших законах слишком много пристрастия, слишком много подразумеваемого, двусмысленного, слишком много такого, на что мы не согласны. Мы протестуем и против ваших законов, и против вашего правосудия»

«Общее согласие! Оно напоминает другой мнимый принцип, выдаваемый вами также за великое приобретение: всякий обвинённый должен быть судим своими равными, которые суть его *естественные судьи*. Какая насмешка! Какие же могут быть естественные судьи у этого человека, который не участвовал в обсуждении закона, не давал на него своего согласия, который даже не читал закона, даже не понял бы его, если бы ему прочли его, с которым не советовались при выборе законодателя? Как? Естественные судьи пролетария – это капиталисты, собственники, счастливы, находящиеся в сделке с правительством, пользующиеся его покровительством и благосклонностью? Это *честные и свободные люди*, и они-то *по своей чести и совести* – какая гарантия для обвинённого! – *перед Богом* – о котором он никогда не слыхивал – и *перед людьми* – в числе которых он не считается – объявляют его виновным; и если он укажет на дурные условия, в которых его поставило общество, если он напомним все бедствия своей жизни, все горечи своего существования, они в ответ сошлются на подразумеваемое согласие и на общечеловеческую совесть!»

«Правосудие может быть только одно, то, которому обвинённый подвергает себя сам. И так будет, когда каждый гражданин будет прямым участником в общественном договоре; когда этот торжественный договор определит права, обязанности и принадлежности каждого; когда обменены будут гарантии и принята санкция»

«Тогда правосудие, исходя из свободы, перестанет быть местью и будет вознаграждением. Тогда судебный процесс сведётся к простому собранию свидетелей; между истцом и ответчиком, между тяжущимися не нужно будет других посредников, кроме друзей, на решение которых они положатся»

«Полное, немедленное, безотлагательное уничтожение без всякой замены судов есть одна из первых необходимостей революции. Пусть полагают

сроки для других реформ; пусть общественная ликвидация, например, совершится лишь в двадцать пять лет; пусть организация экономических сил произойдёт только через полвека; но отмена юридических властей не терпит ни малейшего промедления»

«С точки зрения принципов, организованное правосудие, правосудие в форме учреждения, есть непременно формула деспотизма, следовательно, отрицание свободы и права. Везде, где вы оставите юрисдикцию, вы оставите зародыш реакции, из которого рано или поздно разовьётся политическая или религиозная автократия»

«С политической точки зрения, поручить старым юристам, одержимым роковыми понятиями, истолкование нового общественного договора было бы губительно для него. Дело и теперь ясно: юристы оттого так беспощадны к социалистам, потому что социализм есть отрицание юридической функции и служащего ей основой закона. Когда судья решает участь гражданина, обвиняемого законом в революционных мыслях, словах или писаниях, он не виновного судит, а поражает врага. Из уважения к правосудию уничтожьте этих чиновников, которые борются за свои тоги и очаги»

Каждый революционер, конечно, может безусловно согласиться с каждым словом этой красноречивой страницы, где Прудон разрушает старое юридическое строение, которое заодно с армией и церковью составляет один из прочнейших столпов государства.

Далее, в заключение своей книги, Прудон излагает конституцию договора взаимности и справедливости между людьми; это изложение составляет необходимое дополнение предыдущей цитаты:

“ «Разум при помощи опыта излагает человеку законы Природы и Общества; затем он говорит ему:

Законы эти суть законы самой необходимости. Их никто не делал; никто не навязывает их тебе силой. Они были открыты мало-помалу, и я существую, чтобы свидетельствовать о них

Соблюдая их, ты будешь добр и справедлив.

Нарушая их, ты становишься зол и несправедлив.

Других оснований я тебе не предлагаю»

«Уже некоторые из ближних твоих признали, что справедливость лучше для всех и для каждого, чем несправедливость, и взаимно согласились хранить в отношении друг друга верность и уважать права друг друга, т. е. почитать правила взаимного договора, которые сама природа вещей указывает как единственно способные обеспечить в широчайшем размере благосостояние, безопасность и мир»

«Хочешь ли присоединиться к этому договору, вступить в общество этих людей?

Обещаешь ли уважать честь, свободу и благо своих братьев?

Обещаешь ли никогда не присваивать ни насилием, ни обманом, ни лихвой, ни ажиотажем продукты и достояние другого?

Обещаешь ли никогда не лгать и не обманывать ни в правосудии, ни в торговле и ни в каких иных отношениях твоих?

Ты волен согласиться или отказаться»

«Отказываясь, ты остаёшься членом общества дикарей. Отрёкшись от общения с человеческим родом, ты становишься подозрителен. Никто не защитит тебя. При малейшей обиде первый встречный может поразить тебя, не подвергшись иному обвинению, кроме обвинения в беспощадной жестокости над зверем»

«Присягая договору, ты делаешься членом общества свободных людей. Все братья обязуются в отношении тебя, обещают тебе верность, дружбу, помощь, услуги, обмен. В случае нарушения с их или твоей стороны по небрежности, гневу или злему умыслу, вы ответственны друг перед другом за нанесённый ущерб, равно как и за причинённый вами соблазн и страх; эта ответственность может выражаться в наказании, смотря по тяжести клятвенного нарушения и в случае его частого повторения, вплоть до исключения из общества и смерти».

с. Администрация. Полиция

Мы не будем долго останавливаться на этой главе. Бюрократия так часто подвергалась критик, что повторять эту критику ещё лишний раз не стоит. Прудон подробно обличает невыгоды административной централизации, которую Республиканцы выдают за славнейшее творение революции.

«Если бы, говорит он, мне приходилось бы говорить с людьми, проникнутыми любовью к свободе и имеющими самоуважение, и, если бы я хотел возбудить их к мятежу, я вместо всяких речей, ограничился бы перечислением им административных прав префекта».

Мы не преследуем за ним в этом перечислении. Довольно напомнить, что с уничтожением государства, администрация и полиция сделаются чисто общинными функциями, деятельностью; потеряв свои правительственные связи, они лишаются своего авторитарного, произвольного характера и становятся чисто экономическими функциями, совершенно аналогичными тем, которые в промышленном порядке исполняют все работники.

d. Народное просвещение. Общественные работы. Земледелие и торговля. Финансы

Прудоновская теория образования приобрела популярность под именем интегрального (всестороннего) образования. Программа его не раз развивалась на интернациональных конгрессах подробнее, чем у самого Прудона.

По республиканцам, образование должно быть *даровым*, т.е. бесплатным и *обязательным*. Это пустая фраза. Пока образование остаётся порученным государству, называть его *даровым* – надувательство, а делать *обязательным* – несправедливое насилие.

Действительно, образование, даваемое государством, может быть даровым лишь по видимости. Услуги, требуемые от государства, должны быть оплачиваемы с помощью налога, и оплачиваемы очень дорого; народ давно знает это по опыту. А кто, в конце концов, платит налоги? Не работник ли?

Что касается обязательности, то в высшей степени несправедливо принуждать ребёнка посещать школу, не давая ему в то же время необходимых средств к существованию. Что отвечать родителям, которые вынуждены, чтобы прокармливать своих детей, передавать их в когти промышленника, едва они достигнут возраста, в котором могут работать? Государство, имеющее претензию обязать детей посещать школу, должно быть вместе с тем взять на себя обязательство содержать их.

Но оно не могло бы взять на себя этого нового обязательства, не увеличив налога, так что в результате опять-таки работник платил бы за всё, и вышло бы только новое надувательство.

Социалисты ставят вопрос иначе. Образование, говорят они, должно даваться за счёт коллективности[55]; она даёт ссуду детям в виде средств для получения материального и нравственного воспитания, и они, повзрослев, возвратят её своим трудом. Решив таким образом вопрос о расходах, социалисты допускают обязательность, но со следующими двумя оговорками:

Обязательность не налагает на родителей никакой новой обязанности и не грозит им никакой карой; она только лишает их права, доселе признанного за ними, оставлять своих детей в невежестве, отнимать у них возможность получать образование, которое до сих пор было им предоставлено, и передаёт эту заботу коллективности. Кроме того, обязательность не влечёт за собой никаких принудительных мер против ребёнка, который питает отвращение к науке только из-за неспособности тех, кто до сих пор руководил им в ней.

Образование, прибавляют социалисты, должно быть *интегральным*, всесторонним т. е., с одной стороны, оно должно включать в себя не одну отвлечённую теорию, но и профессиональную практику; с другой же стороны, оно не должно ограничиваться одной или несколькими специальностями, а простирается на всю совокупность человеческих знаний.

Если мы будем рассматривать человека с индивидуальной точки зрения, с точки зрения человеческого права знать всё и развивать свой ум во всю полноту возможного развития, то план образования представится нам в следующем виде: Познание великих научных законов, способов исследования, приведших к открытию их, общее понятие о промышленности и её современных способах, теоретическое и практическое изучение главных инструментов её, развитие художественного чувства, практическое изучение справедливости посредством ежедневных отношений.

Но цел человека не только своё личное развитие; он должен сделаться полезным членом коллективности, способным занимать в ней одну или несколько определённых должностей; стало быть, он должен стараться приобрести известную степень искусства в нескольких различных специальностях; и эта часть образования не менее важна, чем приобретение общих познаний в науках[56].

Образование по подобному плану не могло бы даваться, как теперешнее, в школе, где дело учителя – преподавать ученикам известные слова и формулы. Образование должно быть здесь нераздельным с ремесленным учением, обучение науке с профессиональным обучением.

“ «Разделять, говорит Прудон, научное образования и профессиональное и, ещё хуже, разделять профессиональное образование от настоящего, полезного, серьёзного, ежедневного занятия ремеслом – значит воспроизводить в новой форме разделение власти и классов, два сильнейших орудия правительственной тирании и подчинения работников»

«Пролетариям следует подумать об этом»

«Если школа горного дела есть что-то иное, а не горный труд, сопровождаемый изучением науки, относящейся к горнодобывающей

промышленности, то школа эта будет производить не горнорабочих, а их начальников, аристократов»

«Если школа декоративно-прикладного искусства не есть изучение искусства и производства её, а что-то иное, то из неё будут выходить не умельцы, а их директора, аристократы»

«Если школа финансов не лавка, не контора, не магазин, а что-то иное, она создаст не торговцев, а баронов торговли, аристократов»

«Если морская школа не есть просто служба на корабле, начиная с юнги, то она будет лишь средством разделять моряков на два класса: на класс матросов и на класс офицеров»

«Так и бывает в нашем порядке политической тирании и промышленной анархии. Наши школы – это или учреждения роскоши и предлоги для sinecur, или семинарии аристократизма. Школы Политехническая, Нормальная, Сен-Сирская (военная), юридическая и прочие учреждены не для народа; они учреждены, чтобы поддерживать, укреплять, увеличивать разделение классов, чтобы довершать и упрочивать разрыв между буржуазией и пролетариатом»

«В настоящей, подлинной демократии, где каждый должен иметь под рукой, у себя дома высшее и низшее образование, это школьная иерархия немислима. Это противоречит принципу общества. Как скоро воспитание слилось бы с обучением, как скоро в теории оно состояло бы в классификации идей, а на практике в разделении труда, как скоро оно сделалось бы одновременно делом умственным, трудовым и хозяйственным – оно не будет зависеть от государства, оно не будет совместна с правительством!»

Итак, министерство народного просвещения уничтожается.

Вместе с ними в экономической организации исчезают министерства общественных работ, земледелия, торговли и финансов.

Первое невозможно, когда инициатива принадлежит общинам в деле предприятия работ в их округах, а инициатива в исполнении этих работ – рабочим товариществам.

Да и зачем здесь центральная администрация? Она не только не приводит интересы в гармонию, как утверждают её приверженцы, а, напротив, порождает привилегии, позволяя центральной власти покровительствовать одним общинам в ущерб другим. Единственное средство создать истинную гармонию интересов состоит в прямом согласии между собой всех общин, заинтересованных в каком-нибудь общепольном предприятии. Здесь, как

всюду, централизация, проповедуемая якобинцами и государственными коммунистами, является агентом продажности, фаворитизма и порабощения.

Земледелие и торговля – дело ассоциации производителей, а не государства. Государство, даже коммунистическое, о котором мечтают последователи Маркса, ставя себя на место свободных ассоциаций и заявляя притязание возвысить земледельческий труд посредством централизованной администрации, поручая своей бюрократии заведовать обработкой земли и выплачивать заработок крестьянам, превращённых таким образом в государственных чиновников и копающих землю под его надзором, привело бы к ужаснейшей неурядице, к плачевнейшему расхищению и к гнуснейшему деспотизму.

Что касается торговли, то пусть предоставят ассоциациям производителей и общинам учреждать свои обменные конторы; эти конторы вступят между собой в федерацию; общая и точная статистика позволит определить нормальное отношение между производством и потреблением различных продуктов; и люди без всякого вмешательства центральной власти очень быстро достигнут удовлетворительной деятельности этих общинных контор, которые в будущем обществе будут служить органами распределения и обмена.

Относительно министерства финансов, говорит Прудон, очевидно, что существование его обусловлено существованием других министерств. Финансы для государства тоже, что ясли для осла. Уничтожьте политическую упряжку, и администрация, имеющая единственной целью добывать и давать ей корм, сама собой окажется лишней.

е. Иностранные дела. Войско, Флот

Многие революционеры, допускающие возможность и необходимость уничтожения правительства для внутренних дел, возражают, однако, что во внешних сношениях страны необходимо, чтобы какое-нибудь правительство представляло нацию; а если, притом, отношения эти будут враждебными, что весьма вероятно в эпоху революционного кризиса, то должно быть, чтобы правительство было тем сильнее и централизация была тем энергичнее.

Тут прежде всего вопрос в том, как мы представим себе отношение Европы к стране, где вспыхнула социальная революция. Мы полагаем, что революция заразительна и что, если она не сделается всеобщей, она погибнет. Мы рассчитываем, что эта заразительность революций не позволит деспотам опереться на их армии и возобновить коалицию 1793-го[57] года против страны, провозгласившей права труда. А когда революция совершается повсюду, что станет с политическими государствами, с национальными знамёнами? Нужна ли будет дипломатия? Будут ли народы воевать между собой ради расширения своих областей?

Нет. В порядке, где все интересы солидарны, нации перестанут образовывать отличные друг от друга политические организмы; они не сольются в фантастическое и чудовищное единство; они войдут между собой в федерацию, как раньше этого войдут в федерацию общины и ассоциации производителей.

«Правительства, говорит Прудон, заявив претензию учредить в человечестве порядок, организовали затем народы во враждебные друг другу лагеря; внутри их единственным занятием было создавать рабство, а во внешних отношениях – поддерживать войну в перспективе или на деле»

«Угнетение народов и их взаимные ненависть суть факты параллельные, солидарные, вызывающие один другого и могущие исчезнуть лишь вместе с уничтожением их общей причины – правительства»

«Поэтому пока народы будут состоять под полицией царей, трибун или диктаторов, пока они будут повиноваться видимой власти, учреждённой среди них и издающей управляющие ими законы, они будут находится в войне между собой; никакие священные союзы, демократические конгрессы, амфикиионии[58], центральные европейские комитеты не смогут ничего против этого сделать. Огромные организмы, организованные подобным образом, необходимо противоположны друг другу по интересам; сливаться воедино они не хотят, а признавать справедливость не могут; они должны, стало быть, бороться и драться войной или дипломатией, не менее безнравственной, чем война»

Возбуждаемая государством национальность противопоставляет непобедимое сопротивление всякой попытке слияния народов воедино; вот почему монархия никогда не могла добиться своей цели – стать всемирной. Всемирная монархия в политике тоже, что квадратура круга или вечное движение в математике – противоречие. Нация может терпеть правительство, пока её экономические силы не организованы и пока это правительство её собственное: национальность власти, отводя глаза от оценки её принципов, сохраняет правительство в ряду бесконечных смен монархий, аристократий, демократий. Но если власть чужда нации, последняя чувствует её как оскорбление, мятеж тлеет во всех сердцах, и учреждение не может долго держаться»

«То, что не удалось ни одной монархии, даже монархии Цезарей; то, чего не могло создать христианство, свод всех древних религий, – то совершит экономическая революция. Когда в каждой стране за руководство общества будет вместо религии и власти принята наука, не будет ни национальности, ни отечества в политическом смысле: останутся только привязанности и связи родины. Человек, какого племени и цвета бы он ни был, будет действительно туземцем мира, будет всюду гражданином. Гармония будет царствовать между нациями без дипломатии и без соборов, и ничто никогда не нарушит её»

Затем Прудон обзорекает главные вопросы международной политики, стоявшие на очереди в его время (и до сих пор не потерявшие современного интереса) и решает их по началам

анархического социализма. Мы закончим этой в высшей степени интересной цитатой наш разбор его этюда «Об Обществе без Правительства».

“ «Россия, говорит он, хочет утвердиться в Константинополе, как утвердилась в Варшаве, т. е. заключить в себе Босфор и Кавказ. Но революция не допустит этого и для безопасности прежде всего взбунтует Польшу, Турцию, все русские провинции, которые можно взбунтовать и дойдёт, наконец, до Петербурга. А тогда в чём будет состоять русский интерес в Варшаве и Константинополе? В том же, в чём будет состоять в Берлине и Париже – в свободном и равном обмене. Во что обратится сама Россия? В собрание свободных независимых народов, соединённых лишь торжеством языка, сходством обычаев, аналогией функций, условиями местности. В подобных обстоятельствах завоевание бессмыслица. Если бы Константинополь и принадлежал бы России, то, как только революция совершится в России, Константинополь будет принадлежать сам себе, как будто никогда не терял своей независимости. Восточный вопрос в русском смысле перестанет существовать»

«Англия хочет владеть Египтом, как владеет Мальтой, Корфу, Гибралтаром и прочим. Революция отвечает на это тем же. Она предписывает Англии воздерживаться от покушений на Египет, положить предел своим захватам и своей монополии и для безопасности очистить острова и крепости, из которых она грозит свободе наций и морей. Англия должна преобразиться в революции, как и прочие нации. А раз что революция свершится в Лондоне, раз британская монополия будет вырвана с корнем, сожжена и прах её развеян, нужно ли будет Англии владение Египтом? <...> Тогда все будут иметь право и возможность входить, выходить, торговать по своему желанию, создавать фермы разрабатывать полезные ископаемые, строить промышленные предприятия, и выгода будет одинакова для всех наций; <...>»

«Между нами ещё существуют *шовинисты*, непременно желающие восстановления *естественных* границ Франции. Они требуют или слишком многого, или слишком малого. Франция везде, где говорят её языком, где следуют её Революции, где приняты её обычаи, её искусства, её литература, подобно тому, как приняты её меры и её монета. С этой точки зрения ей принадлежит Бельгия (точнее Валлония), швейцарские кантоны Невшатель, Во, Женева, вся Савойя, часть Пьемонта (Аоста); но от тогда неё должны отойти немецкий по сути Эльзас, может быть даже часть Прованса (Ницца, в которой живут итальянцы), Гаскони (Северная страна Басков), кельтской Бретани, жители которых не говорят по-французски[59], и часть их всегда стоит за короля и попов против Революции. Но зачем эти перестройки? Эта мания присоединения

возбудила при Конвенте и Директории недоверие народов к Республике и, дав нам вкус к Бонапарту, привела нас к Ватерлоо. Революционизируйтесь, говорю я. Наша граница будет довольно широка, будет вполне французской, если будет границей революционной»

«Скажем раз и навсегда: самый характерный, самый решительный результат Революции будет состоять после организации труда и собственности в уничтожении политической централизации, государства, последствием чего будет уничтожение дипломатических отношений между нациями по мере того, как они будут приступать к революционному союзу. Всякий возврат к политическим преданиям, всякая забота об европейском равновесии под предлогом национальности и независимости государств, всякое предложение заключать союзы, признавать независимости, возвращать провинции, переносить границы – обнаружили бы в представителях движения полнейшее непонимание потребностей века, презрение к социальным реформам и даже реакционный умысел»

Версия #3

Зверобой создал 11 апреля 2025 18:39:53

Зверобой обновил 11 апреля 2025 18:47:07